

ТАМАРА КУПРИНА

ДАРИТЕЛЬ

Книголюб-экслибрист Николай Петрович Трунин после инсульта, перенесённого в Мурманске, где он жил более полувека, сказал себе и близким, что он проживёт ещё года два – не больше. После этого заторопился с переездом в родную Елатьму, где завещал похоронить себя рядом с родителями. Перед отъездом, как всегда, щедро раздарил своё книжное богатство. Прожил в Елатьме до кончины два с половиной года. Когда за месяц до ухода в мир иной почувствовал себя плохо, высказал пожелание: “Хорошо бы умереть в дни кончины Пушкина...”. И покинул грешную землю нашу в дни, когда Россия отмечала печальную дату: 170-летие со дня гибели своего великого поэта, того, кто “памятник себе воздвиг нерукотворный”.

В минувшем 2020 году Николаю Трунину исполнилось бы 100 лет.

Одни называли его чудачком, другие наверняка считали, что ему деньги девать некуда. Третьи... Такие, как, например, профессор Киселёв из Мурманска, называют его бессребреником и нынешним мурманским святым, героем нашего смутного времени, выделяя особо качество Трунина – “дар божий – редчайшее свойство души: для него подарить не менее важно, чем приобрести”. Это мнение поддерживает и мурманский поэт Вл. Сорокажердьев: “Есть две категории книголюбов – собиратели и дарители. Первых мы прекрасно знаем, их миллионы. Кто нынче не собирает книги для своих домашних библиотек! А вот дарителей – единицы”.

Журналист Валерий Яковлев из Рязани писал Трунину в одной из писем: “Ты, наверное, ещё не чувствуешь, что сам становишься музейной редкостью. Ведь таких, как ты, найти труднее, чем иголку в стоге сена...”.

Газетные и журнальные публикации о Трунине, выходившие в разных городах и весях нашей страны (в Москве и Мурманске, в Крыму и Семипалатинске, на Рязанщине и т. д.), привлекают необычностью и выразительностью своих названий: “Последний романтик века”, “Время чтить чудачков”, “Не каждый может позволить себе сделать подарок Эрмитажу”, “Всё остаётся людям”...

Недаром ещё при жизни он стал легендой.

Сын за отца отвечает

Родительский дом Трунина и поныне стоит на одной из старых тихих елатомских улиц перед прудом, называемым в народе Киселюхой. Сюда, в свою “яблочную” (по Паустовскому) Елатьму, Николай Петрович приезжал каждое лето.

Помнится, как-то осенью, когда яблок в Елатьме уродилось видимо-невидимо и все стонали “девять некуда”, и золотистая антоновка, как ненужный балласт, валялась под ногами, он всё охал и ахал, сокрушённо качал головой,

болезненно морщился и без конца повторял, что мы “ходим по золоту”... И, конечно, доказывал, каким именно образом “ходим” мы “по золоту”: в Мурманске в это время килограмм яблок стоил раз в двадцать дороже, чем в Елатьме...

— Елатьма зовёт, а Мурманск не отпускает, — любил шутить он.

Как он попал в Мурманск? Дорога туда, пожалуй, длиннее, чем сама жизнь. И, наверное, началась она, эта его нелёгкая стезя, с самого рождения Николая. Крестил его родной батюшка — священник одного из тогдашних четырнадцати православных храмов Елатьмы. Однако вскоре, в результате гонений на церковь, отец остался без прихода, а маленький Коля вынужден был перебраться в деревню к тётке, сестре матери. Иначе бы его, поповского сына, в школу не приняли.

Только после четвёртого класса вернулся он домой к родителям. Но по окончании седьмого директор елатомской школы вызвал его к себе и строго предупредил: в восьмом классе ему не учиться. И выдал справку, где значилось: “Отчислен из школы как сын служителя священного культа”. Шёл 1935 год.

Помог родственник — дядя. Жил он в Воронежской области. Большим начальником был. И Коля поехал учиться в Борисоглебск. В 1937 году услышал Коля глас “отца народов”: “Сын за отца не отвечает!” И вновь вернулся в родную Елатьму.

После окончания десятилетки он поступает в Казанский государственный университет. В Казани жила ещё одна мамина сестра, приютившая Николая. Поэтому всех своих тётушек и дядю вспоминал он всегда с непреходящей теплотой. Выбрал Коля физико-математический факультет: хотел быть похожим на своего любимого школьного учителя математики Ивана Ивановича Лихолетова. Вопреки желанию родителей видеть своего старшего сына врачом.

В один из последних дней перед экзаменом по электротехнике бросил третьекурснику Трунину надоевший учебник и пошёл в библиотеку читать “Двенадцать стульев”. Вдруг в “читалку” входит его однокурсник и говорит: “Ребята, война началась”. И запомнилась Трунину на всю жизнь эта картина: читальный зал, взволнованные лица студентов и его растерянный однокурсник.

Экзамены за третий курс в 1941 году были скомканы: торопились на рытьё окопов.

В первые же дни войны студентов отправили на сельхозработы в Башкирию. В университет вернулись только в сентябре и вскоре вновь уехали в один из колхозов под Казанью. Обрато возвращались пешком, не было транспорта.

Уже в университете узнали, что немцы — на подступах к Орлу. Учёба, конечно, прервалась: весь декабрь рыли окопы.

Стояли сорокаградусные морозы. В сутки давали по 600 граммов хлеба на брата. Страдая от голода, Николай Трунин пошёл сдавать кровь для раненых солдат. Донорам полагалась дополнительная хлебная карточка...

В январе сорок второго занятия в университете возобновились. Но суточной нормы хлеба катастрофически не хватало. Многие студенты устроились на работу и учились урывками. Устроился на Казанскую кондитерскую фабрику имени Микояна и Николай Трунин. Стал работать на разгрузке канадского сахарного песка. Песок нередко сыпался из огромных мешков, и Трунин собирал его в рукавички, а потом продавал на базаре. На денежки, которые стали у него водиться, купил целое море книг. Они стоили там копейки, а стакан сахарного песка стоил триста рублей (месячная зарплата Трунина). Книги были его давнишней страстью.

Однажды Николай Петрович пооткровенничал о своем биофильстве: “У меня было в жизни три книжных “склада”. Во-первых, дед по отцу служил управляющим у потомственных дворян Воейковых. Революция выгнала хозяев из дома, и во время пожара в барской усадьбе дед — заядлый книголюб — спас бо́льшую часть хозяйской библиотеки, да так книги у него и остались... Можно сказать, присвоил. А можно сказать — и спас. Как хотите... Сюда же и отцовские книги попали: он постоянно выписывал “Ниву” с приложениями.

Когда в 1928 году начались гонения, книги прятали по соседям...”

Отец, умирая, завещал старшему сыну Николаю позаботиться о книгах, передать их в надёжные добрые руки, тем, кому они нужнее всего.

Второй “склад” создал Николай сам у тётки в Казани, а третий — уже в Мурманске...

19 января 1943 года (на Крещение) стал студент Трунин курсантом Московского пулемётного училища, эвакуированного в Можгу. И уже из Можги

командиром стрелкового взвода в составе тридцать девятого отдельного полка в сентябре 1944 года попал на фронт — в Румынию.

— Что ты, свой первый бой забыть невозможно, — невесело улыбался он. — Старшина дал стакан водки, сказал: “До линии фронта — два километра. С Богом!” Помню, перебежали мы из окопа в окоп... И вдруг — вжик! — что-то свистнуло над ухом. Присел я от неожиданности. “Да ты, парень, ещё не обстрелянный, — раздался голос. — Пуля — она, как муха, — вжикнула, и нет её. Так что бояться её не надо”.

“Потом шли семь или восемь суток в трансильванском направлении... Редкие привалы на еду и сон были не больше часа. Вот тут-то я понял, что самое страшное — не голод и холод, а мучительное желание выспаться. Потом был приказ форсировать реку Тиссу и занять противоположный берег. А переправившись через Тиссу, тут же попали в окружение. Стрельба... Крики... Взрывы... Танки давили людей. Меня контузило взрывной волной, и я потерял сознание... Очнулся, когда немецкий офицер снимал с меня ремень. В голове пронеслось: “Всё. Конец”.

Военные законы были суровыми — для советского воина сдача в плен приравнивалась к измене Родине. Тогда бытовала поговорка: советский солдат живым не сдаётся... Я после долго размышлял: мог ли я тогда выстрелить сам в себя?! Не знаю. Но так или иначе, я оказался в немецком плену. В колонне пленных прошёл по осеннему, ещё не разбитому войной Будапешту и до последних дней помнил удивление, охватившее меня при виде того невероятной красоты города”.

Пленных разделили на группы и погнали в сторону Австрии — в так называемый “Царский камень” — громадный лагерь, построенный ещё в годы Первой мировой войны.

Каждому пленному в лагере выдали металлический, разделённый на две половинки жетон с выбитым на обеих номером. Его полагалось носить на груди, на верёвочке. Если пленный умирал, то, как заверяли немцы, одна половина жетона оставалась на нём, другую они якобы отсылали семье.

В лагере под названием Кайзерштайн 17Б на реке Инн на австрийско-немецкой границе, напротив города Браунау (который, как позднее узнал Трунин, был родиной Гитлера) он провёл полгода, до апреля 45-го.

Пленные офицеры лишь изредка привлекались к работам. В основном же были предоставлены самим себе. Николай раздобыл две немецкие книги, словарь, стал постигать вражеский язык... В лагере распространяли книги и газеты. Именно там Трунин впервые познакомился с творчеством белоказачьего атамана П. Краснова — в руки попал его роман “С нами Бог”.

Питание, конечно, было скверным — кормили баландой, в день полагалось 100 г хлеба. Николай Петрович с улыбкой вспоминал, что один из пленных, врач, успокаивал товарищей, уверяя, что воздержанность, умеренность в пище не только не вредит здоровью, но, наоборот, даже улучшает самочувствие... И ещё Трунину удалось вести дневник в плену (который он позднее, спустя много лет, передал в музей) и даже собрать небольшую коллекцию монет.

“Помню, генерал Власов приезжал к нам, агитировал, — продолжал свои нелёгкие воспоминания Николай Петрович. — А потом под начальством австрийского офицера пошли дальше на запад. 1 мая в порыве откровения офицер этот признался нам, что у него есть приказ покончить с пленными в случае нападения. Сказал он нам это днём, а вечером нас окружили американцы...”

Нас одели во всё новое, предупредили: “У нас много еды, но потерпите. Много есть нельзя, организм должен привыкнуть”. Мой приятель армянин не выдержал, наелся досыта — и умер от заворота кишок.

Американцы относились к нам прекрасно. Охраны никакой не было, гуляли свободно, в казармах только спали”.

Затем с советской стороны явилась комиссия, стала пленных готовить к отправке. Американцы тоже агитировали: можете, мол, и в Америку переехать. Многие согласились. А Трунин рвался на родину, в Россию, к своим родным и близким. Его и других бывших пленных посадили на “студебеккеры” и отправили на железнодорожную станцию. На неделю ещё задержали в Венгрии.

19 января 1946 года (новое крещение Трунина!) пересекли границу России. Прошли дезинфекцию и оказались в Одессе, в лагере для репатриантов.

— Вот где был ад! — невольно вырвалось у Николая Петровича. — Там с нас содрали новое бельё, выдали какие-то лохмотья. В Одессе на нас смотрели

хуже, чем на врагов. Мы чувствовали себя изгоями. Это было очень тяжёлое чувство. Потом начались и ночные допросы. Вызывают и спрашивают: “Знаешь, что товарищ Сталин сказал? А почему в плен сдался? Почему не застрелился?..” Многие не выдержали таких пыток, покончили с собой... Вот так я, поповский сын, и изгоем был, и на фронте воевал, и потом с ярлыком изменника Родины много лет прожил, — заключил Трунин. — И поныне думаю: как я всё это выдержал?

2 апреля 1946 года Николай Трунин наконец-то получил билет до Елатмы. Можно сказать — “волчий билет”... Из Елатмы — никуда.

— У меня об этом городке, — веселее он, — самые лучшие воспоминания. — Паустовский, будучи в Париже, в своей одноимённой повести назвал Елатму “трогательный гусиный городок”. В ней было 14 церквей, собор и... много-много гусей.

В Елатме встретился с родителями. Удалось восстановиться и в университете. В 1948 году окончил его и был направлен на Подольский оптический завод. Но тут — мандатная комиссия. Трунину сказали: “Забудь о военном заводе, ты в плену был”. Выдали диплом и дали понять: мол, иди, куда хочешь, и ищи, что хочешь.

“Долгое время жил с мыслью, что я изменник Родины, — грустно произнёс он. — Я ведь про плен много лет никому не рассказывал — старался забыть...”

Поехал в Москву, помыкался по чиновникам. Помогла ему одна пожилая грузинка в Министерстве просвещения: посоветовала Трунину идти в школу учителем и дала направление в Мурманск.

“Так я и очутился здесь 30 августа 1948 года. В школе № 1. Сразу дали 30 часов нагрузки вместо 18. И пошло дело. Работу эту я полюбил. И дети относились ко мне трогательно”, — заключил свою “одиссею” заслуженный учитель школы РСФСР Николай Петрович Трунин.

Пушкиниана Николая Трунина

За год до 200-летнего юбилея А. С. Пушкина договорились мы с Труниным, что он выступит перед своими земляками. Думала, за это время забудет Николай Петрович о своём обещании. Так нет же! Следующим летом привёз он с собой в Елатму целый чемодан книг, иллюстраций, фотографий, проспектов... Объявил о своей готовности к выступлениям в любом месте, перед любой аудиторией. А выступать ему приходилось в Мурманске и Ташкенте, Семипалатинске и Рязани, на островах Диксон и Шпицберген, в школах и библиотеках, в музеях и на предприятиях, перед рыбаками в открытом море и моряками... Более полутысячи выступлений.

На этот раз он провёл две встречи в Касимове: с учителями района во время августовских педагогических чтений и с читателями городской библиотеки имени А. А. Малюгина. Затем были выступления в Елатомском народном музее и Ахматовской средней школе. А рассказывал он не только о Пушкине и книгах: в его “арсенале” были рассказы об истории развития науки и техники, о замечательных личностях минувших эпох — Шекспире, Айвазовском, Шевченко, Эйнштейне, Леонардо да Винчи... Круг его лекций был так же широк, как и круг интересов самого Трунина. Его по праву можно назвать просветителем двадцатого века.

Сколько бы мы ни читали — каждый раз удивляешься новому, ещё тобой не открытому в творчестве Пушкина. И Николай Петрович поразил своих слушателей-земляков новыми сведениями и фактами из жизни поэта и своей причастностью к пушкинской теме.

Пушкиниана Н. П. Трунина представлена, во-первых, письмами из пушкинских музеев. Вот одно из них:

“Глубокоуважаемый Николай Петрович! Государственный музей А. С. Пушкина приносит Вам благодарность за переданные в дар книги:

Юбилейный альбом 1799–1899 гг.;

А. С. Пушкин. Анджело. СПб, 1973;

А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери. СПб, 1913;

А. С. Пушкин. Руслан и Людмила. СПб, 1912;

А. С. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке. М., 1903;

Газеты за 1937 г. — 7 номеров.

Желаем Вам всего доброго. Всегда рады видеть Вас в нашем музее.

Директор А. Крейн.

Зав. отделом книжных фондов М. Кострова”.

А всего Николай Петрович Трунин передал в музей А. С. Пушкина около 150 книг.

Пушкинская тема — особая в его просветительской деятельности. Об этом можно написать целую повесть. Сам Николай Петрович так и говорил о своём отношении к Пушкину: “. . . Пушкин — это совершенно особая история в моей жизни. Пушкин свёл меня с удивительнейшими людьми. Пушкиным вообще занимаются прекраснейшие люди. Я знаком со многими. Вот эту книгу читала — “Набережная Мойки, 12” Гессена? Какой человек! Послушай. В 1956 году в Пушкинский музей на Мойке пришёл человек, которому было 78 лет. Оказывается, он сидел на одной парте с Блоком, слушал лекции Менделеева и всю жизнь занимался Пушкиным. А в музей этот пришёл впервые. И так он его поразил, что старик решил написать книгу, хотя никогда раньше книг не писал. Через пять лет книга вышла. Вот ты держишь её в руках — “Набережная Мойки, 12”. Уникальный случай: первая книга вышла, когда автору было 83 года! Книгу заметили. Автору это дело понравилось. И появляется его новая книга — “Во глубине сибирских руд...”. И тогда этот человек поставил себе цель: дожить до 100 лет и написать 10 книг о Пушкине. . . И что же? Дожил до 98 лет и написал 6 книг. Седьмую — под названием “Минувшее проходит предо мною...” — закончить не успел. План немного не выполнил, но цель достигнута. Правда, удивительно? А кто же этот человек? — Гессен Арнольд Ильич. Вот, смотри, — надпись на книге: “Вы, учитель-мурманчанин, особо близкий мне человек, давний друг — вы ведь ещё и книголюб... Всегда Ваш...”

— Вы с ним были друзья?

— Да, знакомы лет двадцать, много раз встречались, переписывались.

Берёт вторую книгу. Показывает — “Жизнь поэта”. Гессен. Москва, 1972 год. На титульном листе — опять дарственная надпись:

“Дорогой Николай Петрович! Книга эта — самая большая радость моей жизни. Она создана мною в дни, когда я встречал уже мою 95-ю весну... Что ещё более радостного могла подарить писателю жизнь?...”

— Какой человек! — продолжал восхищаться Николай Петрович, показывая другие автографы писателя. — Почти сто лет, а находил силы писать... Ты только представь! Гессен 22 года жил в прошлом веке. Пушкин для него был не просто любимейшим поэтом. Вот слушай, как он рассуждал. Пушкин жил давно, верно? Но сам Гессен звал сына поэта — Александра. А уж Александр-то наверняка сидел на коленях у своего знаменитого папы, великого русского поэта. “Значит, между мной и Пушкиным, — говорил Арнольд Ильич, — всего один человек”... Слушай дальше. А я близко знал Гессена. Значит? Между мной и Пушкиным — всего два человека. Ты понимаешь? Давай пожму твою руку. Вот. Теперь между тобой и Пушкиным — всего три человека. Всего. Видишь, как близко Пушкин...

На вопрос об остальных книгах Гессена о Пушкине Николай Петрович отвечает, что отправил их в музей, предварительно прочитав, изучив и сделав нужные выписки. И показывает папку с адресами: село Берново Калининской области, Молдавия, Торжок, Пушкинский дом в Ленинграде, Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственный музей А. С. Пушкина в Москве, музей-заповедник в Михайловском...

— Вот в Торжок я как-то отправлял скульптуру Пушкина работы Неймарка. Даже вес помню — 10 с половиной килограммов.

И книги отправлял самые разные. Если удавалось достать несколько экземпляров, рассылал их в разные музеи. Мне-то их хранить зачем? А в музеях их сколько людей увидят, и обратятся эти люди к Пушкину! Знаешь, я ведь могу сказать, стоял у истоков рождения Государственного музея А. С. Пушкина... А однажды был приятно удивлён: получаю от директора этого музея Александра Зиновьевича Крейна две книги: “Рождение музея” и “Жизнь музея”. Сначала растерялся, а потом понял: в этих книгах речь идёт и обо мне, о том, что я передал музею более 140 книг. Музей был поначалу бедный, а сейчас он самый богатый. Потому что нашлись сотни людей, которые ему помогли.

— А что это был за юбилейный альбом 1799–1899 годов, который вы передали в дар музею и получили за него благодарность?

— О, это был чудесный альбом. Редкий. Выпущенный к 100-летию со дня рождения Пушкина. Музей его долго искал.

— А вам, простите, не жалко было расставаться с ним? Неужели он вам в самом деле не был дорог?

— Я обычно не думаю, какая книга дороже... А сейчас вспомнил — была такая. Даже отдавать жалел. Матери моей — ещё, конечно, до моего рождения — за участие в церковном хоре, когда она была гимназисткой, подарили собрание сочинений Пушкина с дарственной надписью. Такое шикарное издание известной в России типографии Сытина, датированное 1912 годом, фолиант такой. Ах, какие книги! С иллюстрациями. И с ними у меня связано первое воспоминание о Пушкине: сижу на коленях у отца, и он мне читает “Сказку о рыбаке и рыбке”. Какое издание! Оно прожило у нас в доме 50 лет. А в 1963 году я подарил его Государственному музею Пушкина в Москве. У них такого не было. Библиографическая редкость. А для меня — память о матери, о детстве. Жалко, очень жалко было... Но я титульный лист переснял. Фотографию храню. И правильно сделал, что подарил, да, — как бы убеждая себя, повторил он дважды. И повёл рассказ о пушкинских местах, о своей первой поездке в Болдино.

— Николай Петрович, а в Михайловском вы бывали, Гейченко знали?

— Да, в Михайловское я много раз ездил. И с Гейченко Семёном Степановичем хорошо был знаком. Какой человек! Какой удивительнейший человек! всю жизнь — Пушкину! Святой человек! Посмотри-ка вот эту папку.

— Визитная карточка Пушкина?

— Да. А это кусочек пушкинской “ели-шатра” в Тригорском, погибшей от тяжёлых ранений во время боёв с гитлеровскими захватчиками. Её лечили 11 лет. А в 1955 году она всё-таки начала умирать. И тогда из неё сделали несколько тысяч вот таких сувениров. А вот — письма от Гейченко. Хочешь почитать? Это копии. Сами письма я отдал в музей, вместе с его книгами.

“Дорогой Николай Петрович! Радостен мне был день 5 ноября. Получил от Вас подарок и сердечный привет... Получил Ваш двухтомник Пушкина... Только что закончились у нас юбилейные Пушкинские чтения, посвящённые 150-летию со дня приезда Александра Сергеевича в михайловскую ссылку. Три дня кряду читали доклады и научные сообщения. Три дня музицировали и пели во славу Пушкина!..

Низко Вам кланяюсь, Ваш С. Гейченко”.

— Ну, Николай Петрович, удивили... Такие тёплые, живые письма... И от кого? От самого Гейченко из Михайловского...

— Потому я и сказал, что Пушкин свёл меня с удивительнейшими людьми... Я, когда выступаю, беру с собой несколько книг и рассказываю о людях. О тех, кто эти книги написал, или о тех, про кого они написаны. Вот сейчас я обязательно беру с собой книгу Русакова “Рассказы о потомках Пушкина”. Книга редкая... Такая замечательная!

А как всё началось? Прочитал я в газете, что некий Русаков собирает сведения о потомках Пушкина, и послал ему журнал “Нива”, несколько номеров — там было о детях поэта. Завязалась переписка. А летом в “Комсомолке” прочитал, что есть человек по фамилии Черкашин, который занимается предками Пушкина. И с ним завязалась дружба... Очень много интересного я от них узнал. Оказывается, Пушкин состоял в родстве с самим Александром Невским. Если 21 раз произнести слово “пра” и добавить “дедушка”... Вы понимаете?... А грамоту о восшествии на престол первого царя из династии Романовых подписали семь бояр Пушкиных. И двое из них были неграмотными, так что им пришлось просто “руку приложить”.

По книгам Русакова и Черкашина Николай Петрович составил схему родословной Пушкина и вывел генеалогическое древо пушкинского рода.

— Видите, какая большая схема, — развернул он огромный лист. — И главное — всё понятно. У Русакова в книге — просто списки по поколениям. Я считаю это не очень удобным. И послал ему свою схему. Он решил включить её в новое издание.

— А долго вы составляли эту схему? — поинтересовалась я у Трунина.

— Да, наверное, около года... Надо было сначала хорошо изучить книгу... Хорошо, что я на пенсии — время есть. Смотрите, какая интереснейшая штука получается, — продолжал он. — У сына А. С. Пушкина Александра было 13 детей. Его дочь Мария, внучка поэта, вышла замуж за племянника

Гоголя. И пошли общие потомки двух великих гениев. Сейчас их 64 человека, живут на Полтавщине. Милые, добрые люди... А теперь ещё интереснее. Смотрите сюда, — одну за другой Трунин показывает увеличенные фотографии предков и потомков Пушкина. — Младшая дочь поэта Наталья, которую Русаков в своей книге назвал “прекрасной дочерью прекрасной матери”, вышла замуж за сына жандармского полковника Дубельта, того самого, который в своё время надзирал за Пушкиным. Но потом она с ним развелась, потому что он оказался нехорошим человеком, и во втором браке уехала в Германию, выйдя замуж за принца Николая Вильгельма Нассауского. Он был прекраснейшим мужем, и прожили они долгую семейную жизнь. У них было трое детей... А теперь я хочу вас ещё поразить, — многозначительно улыбнулся Трунин. — Их дочь Софья, внучка Пушкина, знаете, что она выкинула? — Помолчав, выдал: — Вышла замуж за Михаила Михайловича Романова! Смотрите на фотографию — какая прекрасная пара! Выходит, Пушкин в третьем поколении породнился со... своим гонителем. Вы понимаете? Как всё переплелось! Как всё сложно в жизни! Теперь эти потомки принадлежат к королевскому дому Великобритании и даже по-русски не говорят... — И тут же сообщил тревожный факт:

— А по мужской линии, то есть как носитель фамилии, у Пушкина остался один-единственный потомок — прапраправнук поэта Сергей. И не женат, представляете? То есть род может прерваться. Об этом узнали наши женщины из Кировска и отправили ему письмо: мол, если не можешь найти жену по вкусу, приезжай к нам. Не дадим угаснуть роду. Смешно, конечно, ну, а если серьёзно посмотреть, то сохранение рода Пушкиных — дело нешуточное, — заключил, улыбаясь, Николай Петрович.

— Всё своё богатство вы раздарили: и книги Пушкина, и книги о Пушкине... Сами-то что читать будете? — спросила Трунина.

— Как что? А собрание сочинений в десяти томах? У меня всего-то осталось пять собраний сочинений, и первый среди авторов Пушкин. Так что Александр Сергеевич всегда со мной.

И процитировал:

*“...Дай Бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай Бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна:
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель...”*

Адреса подаренных книг

Помня завет отца, который говорил, что книга — это общенациональная ценность и она должна быть там, где она нужнее, Трунин щедро и бескорыстно дарил всевозможные издания, говоря при этом: “Надо, чтобы книга работала. Вот я и пустил её в работу”. Лишь тот настоящий любитель книги, — считал он, — кто заботится о дальнейшей судьбе её.

Им подарено различным общественным учреждениям страны более пяти с половиной тысяч книг, в том числе 52 собрания сочинений, из них — половина дореволюционных, около 20 библиографических редкостей. Кроме книг, двадцати шести музеям страны подарено более 700 экспонатов, среди них — 35 ценных. Прописались некоторые из этих экспонатов и на родине Трунина, в том числе в есенинском Константинове, Спас-Клепиках и в Елатье. А в музей г. Касимова перевозил предметы старины из дома Труниных целый автофургон, в котором находились три кресла и диван из гарнитура красного дерева, ковёр, шкаф, этажерка, медная ступа...

Вот некоторые из адресатов Н. П. Трунина:

* В Государственный музей А. С. Пушкина в Москве Н. П. Трунин передал около 150 книг.

* В Государственный музей Л. Н. Толстого подарено более 50 книг. Среди экспонатов этого музея принадлежавшая Трунину книга “Яшка”. Автор её — сын Л. Н. Толстого, скульптор и литератор Лев Львович Толстой. В этом же музее хранятся подаренные мурманским книголюбом комплект журнала “Нива” за 1899 год с первой публикацией романа “Воскресение”, полное собрание сочинений писателя 1913 года издания, прижизненные собрания сочинений.

* Музей В. Маяковского в Москве долго искал книгу “Птичница Агафья” Клавдии Лукашевич, дореволюционной детской писательницы. Это была первая книга, которую прочитал в своей жизни будущий поэт. Это о ней он написал в автобиографии: “Первая книга — какая-то “Птичница Агафья”. Если бы мне в то время попало несколько таких книг, бросил бы читать совсем. К счастью, вторая — “Дон Кихот” — вот это книга. Сделал деревянные меч и латы и разил окружающих...” Книга стала библиографической редкостью. И тем не менее она нашлась у Трунина и была принесена в музей, о чём рассказал еженедельник “Книжное обозрение” (03.10.1969) в статье “Всё-таки нашли!”

* “Хижина дяди Тома” Бичер-Стоу. Казалось бы, совсем не редкая книга. Но какое издание! Санкт-Петербург, 1895 год, шоколадная фабрика! И эта ценность была передана главной библиотеке страны — Российской Государственной.

* Санкт-Петербургский музей религии и атеизма (Казанский собор) благодарит Н. П. Трунина за переданные в дар книги и экземпляр Библии (Лондон, 1922), представляющий для музея особый интерес.

* Библиотека Чечено-Ингушского университета в г. Грозном объявила о важности восполнить недостающие тома сочинений В. Г. Белинского. У Трунина имелось весьма редкое издание. Первый том его вышел в 1900 году, его получил дед Николая Петровича. А последний — четырнадцатый том — уже получил внук в 1948 году. Книги выходили регулярно, но в течение почти полувека (!). Часть томов до революции выпустил Венгеров, а остальные — уже в советское время — изданы под редакцией Спиридонова. Последний том вышел в год 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского. И вот такое необычное собрание сочинений подарил книголюб из Мурманска Чечено-Ингушскому университету, да ещё два тома 1888 года под редакцией А. И. Мамонтова. После получения этих книг библиотека обратилась в редакцию газеты “Советская культура” с просьбой выразить благодарность Трунину Николаю Петровичу за переданное в дар собрание сочинений В. Г. Белинского, которое является библиографической редкостью.

Книги, подаренные Труниным, прописались и во многих других государственных музеях — М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, А. И. Куприна, А. М. Горького, С. А. Есенина...

Живут они и в Государственном Историческом музее, в Русском музее и в Государственном музее изобразительных искусств, в Зоологическом музее и библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, в Военно-историческом музее А. В. Суворова и в музее-усадьбе “Абрамцево”, в Научной библиотеке Государственной Третьяковской галереи и в Эрмитаже. В музей имени Андрея Рублева передал Николай Петрович редкую книгу Б. Бродского “Связь времён”. Многотомное издание “Тысяча и одна ночь” (СПб, 1902-1903) дарит Трунин Государственному музею искусств народов Востока. Книга Н. Любомудрова “Исследование о происхождении и значении имени Рязань” (М, 1874) находит свое место в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике. Этот список можно продолжать...

В ответ на дары — бесчисленное количество благодарностей. А за ними — адресаты нашей культуры, литературы, живописи, архитектуры, одним словом — нашей многообразной жизни. География их обширна: Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Семипалатинск, Тобольск, Феодосия, Михайловское и Болдино, Карабиха и Тарханы, Пенза, Мурманск, Орёл, Ясная Поляна, Киев, Рязанщина... В архиве Н. П. Трунина около 500 благодарственных писем.

“Научная библиотека Государственной Третьяковской галереи благодарит Вас за книгу “Русская икона. Ростово-Суздальская школа”, присланную Вами в дар библиотеке. В наших фондах данной книги не было, поэтому мы особенно Вам признательны...”

“Многоуважаемый Николай Петрович! Сектор научной информации ГИМ приносит Вам большую и искреннюю благодарность за передачу его Библиотеке в дар ряда книг, имеющих для Государственного Исторического Музея большую ценность. Это – сочинения Екатерины II в нескольких томах. Редкое теперь издание – журнал “Нива” за годы первой мировой войны 1914 и 1915 <годов>, Мельников-Печерский П. И. – Полное собрание сочинений в 4 тт. (Приложение к журналу “Нива” за 1909 год. Это издание очень ценно многочисленными подстрочными примечаниями этнографического характера). За последние месяцы мы получили от Вас несколько книг, только что вышедших из печати, по истории Вашего края. Для нас это очень важно, потому что приобрести в Москве местные издания чрезвычайно трудно. В скором времени выйдет из печати 2-е улучшенное издание буклетов, отражающих сокровища нашего музея. Мы их Вам незамедлительно вышлем. С большим товарищеским приветом, уважающие Вас зав. сектором научной информации (неразборчиво) и старший библиотекарь Н. Зверева”.

Пишет молдавский виноградарь: “Книгу Вашу получил, за что большое спасибо. Я не мог даже подумать, что наше племя книголюбов такое чуткое и отзывчивое...”.

Пишет военный моряк: “Большая благодарность Вам за книгу, за Вашу отзывчивость... В своё время я упустил возможность приобрести это издание – был в море. А книга эта для меня драгоценна: её автор – мой учитель... Он обещал мне выслать её сам, но умер, не дождавшись выхода книги в свет...”.

Пишет учитель: “Большая благодарность Вам за ценный подарок. Книга для работы с детьми всегда необходима. Я давно её разыскивал”.

Пишет инженер из Киева: “Спасибо за подарок. Для меня встреча с Вами явилась приятной неожиданностью. Такие люди, как Вы, будоражат нашу совесть и взывают к лучшим сторонам человеческой души...”.

Пишут знаменитости:

“Очень ценю Вашу дружескую помощь. Нашёл в Иркутске неизвестное стихотворение Есенина. Илья Шнейдер”.

“Добрейшему Николаю Петровичу Трунину с самыми лучшими пожеланиями – совершенно дружески...” Иракий Андроников, автограф на книге “Рассказы литературоведа”.

“Уважаемому Николаю Петровичу Трунину – самому бескорыстному книголюбу земли Кольской – с благодарностью за бесчисленные подарки музею”. Д. Дранишников, на книге “Мой Мурманск”.

“Ну что Вы за чудодей, дорогой Николай Петрович! Вот взяли и ни с того ни с сего осчастливили человека! Книга Фрэзера у меня с детства одна из любимейших... В. И. Порудоминский”.

“Дорогой Николай Петрович! С глубокой душевной радостью узнал о Вашей просветительской деятельности, о щедрости души Вашей и укрепился в себе тем, что такие люди, как Вы, ещё живут в России. В. Чивилихин”.

Разные по стилю, но одинаковые по духу письма-благодарности, по словам Николая Петровича, – это “подтверждение того, что жизнь книги продолжается”. И суть не в том, какие книги подарены, главное – они действуют, живут, работают, учат; с ними к людям идёт свет знаний.

И летят из Мурманска посылки во все уголки страны, и ни один человек не уходит от Трунина без книги. Книги с его экслибрисом, легко узнаваемым среди других, есть во многих домашних библиотеках. Есть они и у меня.

“По тающим следам Есенина...”

Среди всех дарений Трунина мне – только что вышедшее тогда из печати дополненное издание серии “Бессмертные имена” авторов Станислава и Сергея Куняевых “Жизнь Есенина. Снова выплыли годы из мрака...” (Москва, Центрполиграф, 2001), отправленное из Мурманска 5 октября 2001 года. В ответ на дарение я вместе с благодарностью послала Николаю Петровичу красочный буклет со своими стихами под названием “Поклон Есенину”. Кстати, моё знакомство с Николаем Петровичем тоже начиналось с книги, но подаренной не мне, а моему отцу. Это был сборник (опять же!) стихотворений Есенина... Подарок датирован 1967 годом.

Вскоре пришло от него письмо: “...Только что получил Вашу бандероль с пятью книжечками стихотворений. Спасибо! Их подарить есть кому, начиная

с музея Есенина. Кстати, уже несколько месяцев веду работу о присвоении организатору и создателю этого музея звания “Заслуженный”... Встретились такие бюрократические препятствия... хотя всем ясно, что человек заслуживает этого звания дважды... Вы спрашиваете, есть ли у меня другие книги о нашем знаменитом земляке Есенине? – Они тоже подарены. И попали в хорошие руки. Нет, Вам непременно нужно познакомиться с этим человеком...”

И Трунин прислал фотографию уже немолодой женщины в группе молодых моряков, запечатлевшихся на фоне экспозиции под названием “Венок Есенину”. Назвав женщину Валентиной Евгеньевны Кузнецовой, Трунин повёл рассказ о ней. Вот что он рассказал:

“Не часто можно встретить ветерана, в трудовой книжке которого только одна запись. А за плечами Валентины Евгеньевны почти полвека педагогического стажа, с августа 1954 года. В одной школе! Сначала была учительницей начальных классов, а после окончания Петрозаводского университета перешла в старшие.

Я расскажу о той стороне деятельности учительницы, которая сделала обыкновенную, периферийного типа школу № 3 в посёлке Росляково Мурманской области известной не только в области, но и за её пределами. Без преувеличения – знаменитой. Недавно школа принимала гостей из Москвы, Башкирии, Украины... А чем знаменита? – Знаменита музеем. Есенинским. Уже отметившим своё 25-летие. Известность эта не пришла сама собой. Она впитала огромный труд учительницы русского языка и литературы Валентины Евгеньевны Кузнецовой и её учеников. Человек глубокой эрудиции, Кузнецова – любитель и тонкий знаток поэзии. Надо признать, дети, как и иные взрослые, чаще всего предпочитают в художественной литературе книги на приключенческую, детективную, фантастическую и другие лёгкие темы. Куда реже можно встретить истинного любителя поэзии. (То же самое можно сказать о классической музыке.)

Перед учительницей встал вопрос, как приобщить своих питомцев к этому тонкому разделу литературы. Обычное начало: внеклассная и кружковая работа. Но... выбранный для этой цели В. Маяковский в работу не пошёл, и приобщения к поэзии как бы не получилось. Эта неудача вовсе не обескуражила учительницу. Она учла причины неудачи и взяла другую тему: Сергей Есенин. Этот поэт был и ей ближе. Дело пошло. Постепенно росло число кружковцев, работа приобретала различные формы. И, конечно, стали собирать материал о жизни и творчестве рязанского поэта. И, наконец, в одну из знаменательных дат школа обогатилась большой есенинской выставкой. Этот день – 3 октября 1971 года – стал считаться днём рождения музея в посёлке Росляково.

Увлечение кружковцев стало не просто данью моде. Оно носит исследовательский характер. Учительница и ученики стали переписываться с родственниками поэта и людьми, знавшими его, с музеями, библиотеками. В квартире Кузнецовой появилось множество фотографий, книг, рисунков, и ничто не лежит под спудом, все материалы доступны людям, а её ученикам – тем более. Метод преподавания Кузнецовой достоин высокой похвалы. Он позволяет шире раздвинуть рамки школьной программы по литературе, помогает ребятам глубже понять законы литературного творчества великих писателей.

Работу В. Е. Кузнецовой поддержал известный знаток Есенина, собравший домашний музей, Иван Андреевич Синеокий из Ялты. Он же вызвался быть добровольным шефом и помощником. С его участием в марте следующего года была организована поездка школьных активистов музея в Ленинград, которую сын поэта Константин Сергеевич назвал “По тающим следам Есенина”. Ребята тогда встретились с современниками Есенина, знавшими его: со Всеволодом Рождественским, Виктором Мануйловым, Августой Миклашевской, Юриком Ивневим, сёстрами поэта Екатериной и Александрой, сыновьями Александром и Константином.

Рождественский, глядя на фотографию Есенина, рассказывал: “... в шапке, на шее длинный шарф. Таким его увидел впервые. Он подсел ко мне, кивнул на тетрадь в кармане: “Почитай стихи”. Я оторопел: как он догадался, что я пишу стихи?”

Таких поездок было необыкновенно много. Вроде статистика и не к месту, но приведу несколько цифр: 25 раз (двадцать пять!) “есенята” школы были на родине Есенина в Константинове. Естественно, не одно поколение, их

было десять. Здесь ребята учились музейному делу. Были и в тех городах, где находились есенинские музеи: Вязьма, Липецк, Тула, Баку, Ташкент, Орёл... Провели выездные экскурсии во всех районных центрах Мурманской области.

Есенин дал школе в Росляково друзей во всём мире: в Англии, Болгарии, Польше... Случай свёл Валентину Евгеньевну с англичанином Гордоном Маквеем. Он преподаёт в университете русский язык. Исследователь творчества Есенина. Англия переиздаёт поэта. Гордон прислал росляковским “есенятам” три книги. А переводчица Есенина Джэсси Дэвис (встречалась я с ней в Рызани, на юбилейных есенинских торжествах. — Прим. Т. К.) работает над последним, восьмым томом — о Есенине. Валентина Евгеньевна много раз встречалась с ней, делилась малоизвестными, а то и вновь открытыми материалами.

А болгарская певица Роза Балканска! У неё есть концертная программа — есенинская. И с ней делилась материалами Валентина Евгеньевна.

В картотеке музея 250 адресатов — писателей, знатоков творчества поэта. Больше того, росляковский музей шефствует над школьными музеями Н. Клюева и Б. Пастернака в области. Помогает литературному музею в Тихвине, поэтическому кружку при ПТУ в Самаре. “Есенята” собирали материал для экспозиции в Соколе (Вологодская обл.), помогли музею-заповеднику села Константиново в сборе материала о пребывании Есенина на Севере. Литературный музей Москвы от наших “есенят” получил помощь по иконографии.

Сама В. Е. Кузнецова входит в состав научной группы Института мировой литературы по подготовке академического семитомного собрания сочинений Есенина и готовит для седьмого тома иконографию поэта, предоставив 160 фотографий (объём книги позволяет не более ста). Валентина Евгеньевна, кроме того, учёный секретарь международного общества “Радуница”, которое становится как бы центром народного есениноведения.

Всякий раз, бывая в музее, общаясь с Валентиной Евгеньевной, задаю себе вопрос: где черпает силы эта женщина? Поразительное явление. Известные собиратели домашних, школьных музеев, даже более масштабных, такого материала не имеют. А она обычно объясняет: “есенята” мне помогают. И тогда, когда становятся взрослыми.

За годы работы музея фонды выросли настолько, что возник вопрос: как всё сохранить? Мало гарантий, что школа сможет уберечь эти сокровища. При содействии председателя областного комитета по культуре Г. Н. Алексеева Мурманская областная детская библиотека выделила прекрасное помещение. И всё, что любовно собиралось четверть века, Валентина Евгеньевна решила передать в дар областному центру. Торжественная церемония акта передачи состоялась. Валентина Евгеньевна считает, что экспозиция станет первым кирпичиком будущего литературного музея областного масштаба. А сегодня почитатели поэзии уже могут узнать здесь много интересного, ранее не известного.

А как же музей в Росляково после передачи собранного областному центру?

Живёт прежними заботами, “окна его светятся, как и прежде”. Для всех, кто любит Есенина и его поэзию.

Автографы на книгах

Любовь к книге, отзывчивость на любую просьбу, в свою очередь, подарили Трунину личное и эпистолярное знакомство со многими знаменитыми писателями и поэтами, литературоведами, политиками, учёными... В его архиве — письма от Михаила Шолохова, Константина Симонова, Валентина Пикуля, Порудоминского и Чаковского, Л. Любимова и Сартакова, Евтушенко и Солоухина... Каждый автограф — это целая история. А всего таких книг с автографами ста двадцати известных писателей у Трунина около 200 (двухсот!).

В последние годы в его личной библиотеке, насчитывавшей некогда несколько тысяч экземпляров, оставалось чуть более 200 книг. Николай Петрович ссылается на Блока, который говорил, что каждому грамотному человеку достаточно иметь около 100 книг, но отбирать их следует всю жизнь. Именно отбирать, а не собирать. И отобранные Труниным книги разместились в двух шкафах. В первом — так любимые Николаем Петровичем произведения Пуш-

кина, Толстого, Чехова, Есенина, Шота Руставели, Мопассана и некоторых других авторов, монографии и собрания сочинений по отечественной истории. Во втором шкафу – дорогие его сердцу книги с автографами многих знаменитостей.

Но это не простые автографы, не те, что обычно выпрашивают, чтобы похвастаться ими. Нет, за каждым автографом в библиотеке Н. П. Трунина – целая история... История встреч, знакомств, дружбы, совместных поездок, уважения, любви и благодарности – история целой серии человеческих взаимоотношений. Эти автографы – “знак уважения писателя, его благодарности... за помощь в работе, за добрый совет, за поддержку словом или поступком...”

А началась история с автографами с коллективного письма класса, в котором преподавал Трунин, Ираклию Андроникову. В то время Николай Петрович познакомил ребят с его “Загадкой Н. Ф. И.” И вот, к их общему великому изумлению и радости, Андроников ответил, да ещё прислал свою новую тогда книгу “Рассказы литературоведа”... Книги с дарственными надписями прислали Трунину Михаил Шолохов и Константин Симонов. Автор “Тихого Дона” и “Поднятой целины” прочитал заметку в газете о Трунине и не смог остаться безучастным к его деятельности. Константин Симонов узнал о мурманском подвижнике-библиофиле из книги даров музея А. С. Пушкина. А вот – в роскошной обложке “Письмена”. Автор этой книги известен миллионам. Автограф гласит: “Моему северному другу – Николаю Петровичу Трунину – с горячей южной любовью Расул Гамзатов”. Сестра известного татарского поэта Мусы Джалиля Хадича Джалилова подарила ему книгу “О моём брате” (Казань, 1969) с автографом: “Моему заполярному земляку Николаю Петровичу Трунину с уважением и наилучшими пожеланиями...” Гордится Николай Петрович и миниатюрной книжицей – форматом меньше спичечной коробки – лейпцигского издания “Фауста” Иоганна Вольфганга Гёте, подарок журналиста Василия Пескова. И тут же его книга “Шаги по росе”. В 1979 году в “Комсомольской правде” была опубликована статья В. Пескова “Мещёра”. Прочитал Николай Петрович статью очень внимательно.

– Гляжу: здесь Песков дал маху. Он пишет, в одной деревне старик с невесткой плетут диковинные старинные лапти... Так ведь не старик с невесткой, а старуха со своим стариком. Потому что в этой семье – я её знаю – главной по производству лаптей была старуха. Как начнёт работать пальцами: пять минут – лапоть, еще пять минут – другой... Вот я и написал об этом Василию Михайловичу. И он мне прислал письмо с благодарностью и свою последнюю книжку. А в ней: “Хорошему, доброму человеку Николаю Петровичу Трунину с радостью. 18 июня 1983 года...”

О каждом автографе и людях, написавших их, Трунин мог рассказывать часами... Вот, например, книга “Письма к русским эмигрантам” с автографом автора Василия Витальевича Шульгина. Да, да, того самого, который принимал отречение от престола у последнего русского царя Николая II. И Трунин рассказывал уникальную историю этого человека, который вошёл в историю тем, что лично принимал отречение от престола у последнего русского царя Николая II, он же провозгласил императором царского брата Михаила. После революции он участвовал в белогвардейских контрреволюционных выступлениях и готовил очередной заговор уже из Франции. После Второй мировой войны его осудили, но через семь лет он был освобождён...

– Я думал, – рассказывал Трунин, – его уже давным-давно нет на белом свете. Но вот однажды читаю “Известия” и что же вижу: оказывается, Шульгин ещё жив и проживает во Владимире. Я побывал у него – и не раз. Умер он в возрасте 98 лет... Он подарил мне свою книгу “Письма к русским эмигрантам”. Но это только начало истории. А что же было дальше? В 1972 году журнал “Звезда” напечатал публицистическую повесть Марка Константиновича Касвинова “Двадцать три ступени вниз”. Она тогда вызвала большой ажиотаж. Когда я прочитал повесть, то очень удивился, что в событиях, описываемых автором, совсем не упоминается о Шульгине... Я разыскал автора повести (искал его в Ленинграде, он оказался москвичом) и высказал ему своё недоумение. Он удивился так же, как и я раньше: “Как?! Разве Шульгин ещё жив?” И тогда я устроил Касвинову встречу с Шульгиным. Касвинов тогда перерабатывал журнальный вариант для книги, и материал ему очень пригодился. И в последнюю его книгу уже вошла история В. В. Шульгина...

Кроме того, Касвинов был благодарен Трунину за фотографии всех крупных деятелей царской эпохи, переснятых из трунинского журнала “Нива”, – автор хотел их использовать в качестве иллюстраций. Но, к сожалению, Касвинов внезапно скончался, и книга вышла уже после его смерти и без иллюстраций. Вдова М. К. Касвинова прислала Трунину книгу со своей подписью: “Николаю Петровичу Трунину на добрую память о Марке Константиновиче, о встречах с ним и благодарностью за помощь, которую Вы ему оказали в работе над книгой...”

Теперь уже покойный Лев Любимов, почти всю жизнь проживший за границей, написал книгу “На чужбине”. Прочитав её в журнале, Николай Петрович тут же написал в редакцию пожелание, что такую вещь надо обязательно издать книгой. Редакция переправила письмо Трунина в издательство, а оттуда пришёл ответ: “Иностранцев авторов мы не печатаем”. Владимир Солоухин, чьё творчество Николай Петрович ценил высоко и с которым его также связывали дружеские отношения, “подкрепил” просьбу Трунина своей статьёй в “Литературной газете”.

Две из последних подаренных книг – это “Жизнь – сапожок не парный” Тамары Петкевич и “Родина и чужбина” Ивана Твардовского – родного брата А. Т. Твардовского. С обоими авторами Николай Петрович переписывался. По бывал в Ленинграде у Петкевич и в Смоленской области на хуторе Твардовских.

– Кстати, – похвалился однажды Николай Петрович, – дожил я и до тех дней, когда свои книги стали дарить мне мои ученики. Помню, однажды позвонили мне из милиции: “Приходите скорее, у нас ваш семиклассник Боря Блинов”. Я перепугался, бегу... А выясняется, что Боря нашёл на улице чей-то портфель с деньгами – 875 рублей! (В то время – это большие деньги.) И принёс его в милицию. Я тогда ещё заметку в нашу областную газету написал: “Так поступают советские пионеры”. И вот, представьте себе, этот самый Боря Блинов стал писателем и подарил мне свою первую книгу рассказов “На встречах курсах” с надписью: “Дорогому Николаю Петровичу, моему школьному учителю, истинному ценителю книги, с огромнейшей симпатией и любовью”. И далее поведал Николай Петрович о писательской семье мурманчан Блиновых.

Глава семейства Николай Николаевич Блинов – известный в Мурманске автор. Его сыновья – Борис и Николай, бывшие ученики Трунина, – тоже писатели. И, наконец, к перу приобщилась их мама, она тоже издала книгу.

– Четыре писателя в одной семье! – восторженно произносит Николай Петрович и сообщает, что братья Блиновы в своих книгах упоминают и его, учителя-книголюбца. И тут же с большим откровением и юмором рассказал о себе и своих учениках:

– Однажды конфуз со мной вышел: урок проспал. За всю свою учительскую жизнь ни разу не опоздал и ни одного урока не пропустил. До этого всех болеющих замещал. Сам в руках не держал ни одного больничного листа... А тут – урок проспал! Ученик мой Розаев (он потом врачом стал) дал мне пилюлю от бессонницы и велел принять половину... А я всю проглотил, вот и проспал. Смеху, конечно, было... Сам себе и наказание придумал: оплатил все счета физического кабинета – почти месячную зарплату истратил. Школа всегда была бедной... И после этого – никаких пилюль. Со страхом ли уходил на пенсию? – Нет. Меня из школы сразу же в институт усовершенствования учителей переманили. В школе было интересней...

Во время своих выступлений перед касимовцами-земляками в последний свой приезд поведал Н. П. Трунин историю десяти автографов на уникальных изданиях, показал их слушателям, заморозил своими рассказами. Одной из поразительнейших историй он считает историю писателя Владимира Карпова, автора книги “Полководец”. А о своём отношении к автографам сказал, что для него это, прежде всего, “память о людях, интересных встречах, запомнившихся событиях”.

Однажды после поездки в море к военным морякам, где Трунин выступал вместе с петрозаводским поэтом Валерием Аушевым, последний, увидев его автографированную библиотеку, пришёл в восторг и подарил Николаю Петровичу свой сборник стихотворений с таким посвящением:

*В двух шкафах, как видно, неспроста
Сто автографов у вас редчайших есть.*

*Стать сто первым, скромным, к Вашим ста
Я приму за искреннюю честь...*

Так количество книг с автографами в библиотеке Трунина перевалило за сотню.

Эта личная библиотека, состоявшая из двух шкафов, заняла первое место в областном смотре-конкурсе домашних библиотек и второе – во Всероссийском.

И вот, перешагнув свой 75-летний рубеж, Николай Петрович беспечально расстался с одним из двух шкафов, сказав при этом: “Вот и все. Это мой последний дар”. Печалился он по другому поводу – по поводу того, что “дарить больше нечего”. А “последним его даром” стал шкаф с библиотекой автографированных книг: 181 экземпляр с автографами, как уже говорилось выше, ста двадцати авторов, которую он передал областному краеведческому музею города Мурманска. И весь свой домашний архив (письма, грамоты, документы, благодарности и т. д.) Н. П. Трунин передал в Государственный архив Мурманской области (ГАМО), что составило фонд 1042, включивший в себя 28 единиц хранения. Небольшую часть архива отдал в Елатомский народный музей на своей малой родине.

* * *

Человек большого таланта в общении и обращении с книгой, он как-то даже не вписывается в теперешние рамки человеческих отношений, в период, когда бесребреники практически вывелись... Даже определение ему подобрать не вдруг. Модные нынче словечки “спонсор” или “меценат” никак не подходят к скромному пенсионеру, бывшему учителю. Ведь меценатами становятся от больших доходов, не иначе, куда уж тут Николаю Петровичу... Хотя при нынешних ценах его прежняя библиотека могла бы превратиться в кругленькое состояние.

Есть люди, чьи библиотеки насчитывают тысячи книг, но тем не менее они не только не собираются с ними расставаться, но даже и не допускают к ним никого – почитать! Домочадцы таких “книголюбов” чуть не плачут: трёх комнат для книг не хватило, и теперь поэзия заняла верхние полки на кухне... Что тут сказать?

Ценности эти, как правило, пропадают. Лучшая библиотека пушкинской поры – друга великого поэта Соболевского – вся пропала, потому что не успел он ею распорядиться.

Когда Трунина спрашивали, не жалко ли ему расставаться с книгами, он традиционно отвечал на этот вопрос строками любимого Шота Руставели: “Что ты спрятал, то пропало; что отдал ты – то твоё”. В древности говорили, что книги имеют свою судьбу. И мне кажется, человек должен помогать книгам найти эту самую судьбу. Лучшая участь книги – служить многим и, прежде всего, тем людям, которым она нужнее. Уместно вспомнить и слова профессора Саркизова-Серазини: “Считаю себя не вправе держать эти драгоценные реликвии у себя дома. Книги – мои друзья, и расстаёмся мы, как друзья. Они уходят от меня к людям. Кроме того, мы с ними постоянно встречаемся: в библиотеках, в музеях...” И, лукаво улыбаясь, добавлял: “Подарить книгу – праздник, прежде всего, для того, кто дарит. И если кому-нибудь из вас жалко, попробуйте всё-таки подарить. Сначала будет жалко, потом не очень, а дальше – больше: увлечётесь так, что не остановитесь. Будете дарить и дарить...”